

TOPBOOK

ТОР ЮДОЛЛ

///////

Тысяча
буллатных
птиц

Москва
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ю16

Tor Udall
A THOUSAND PAPER BIRDS

© Tor Udall, 2017

Map © Livi Gosling, 2017

Перевод с английского *Т. Покидаевой*

Художественное оформление *П. Петрова*

Юдолл, Тор.
Ю16 Тысяча бумажных птиц / Тор Юдолл ; [пер. с англ. Т. Покидаевой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (TorBook).

ISBN 978-5-04-090992-6

Смерть — конец всему? Нет, неправда. Умирая, люди не исчезают из нашей жизни. Только перестают быть осязаемыми. Джона пытается оправиться после внезапной смерти жены Одри. Он проводит дни в ботаническом саду, погружившись в болезненные воспоминания о ней. И вкус утраты становится еще горче, ведь память стирает все плохое. Но Джона не знал, что Одри хранила секреты, которые записывала в своем дневнике. Секреты, которые очень скоро свяжут между собой несколько судеб и, может быть, даже залечат душевные раны.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

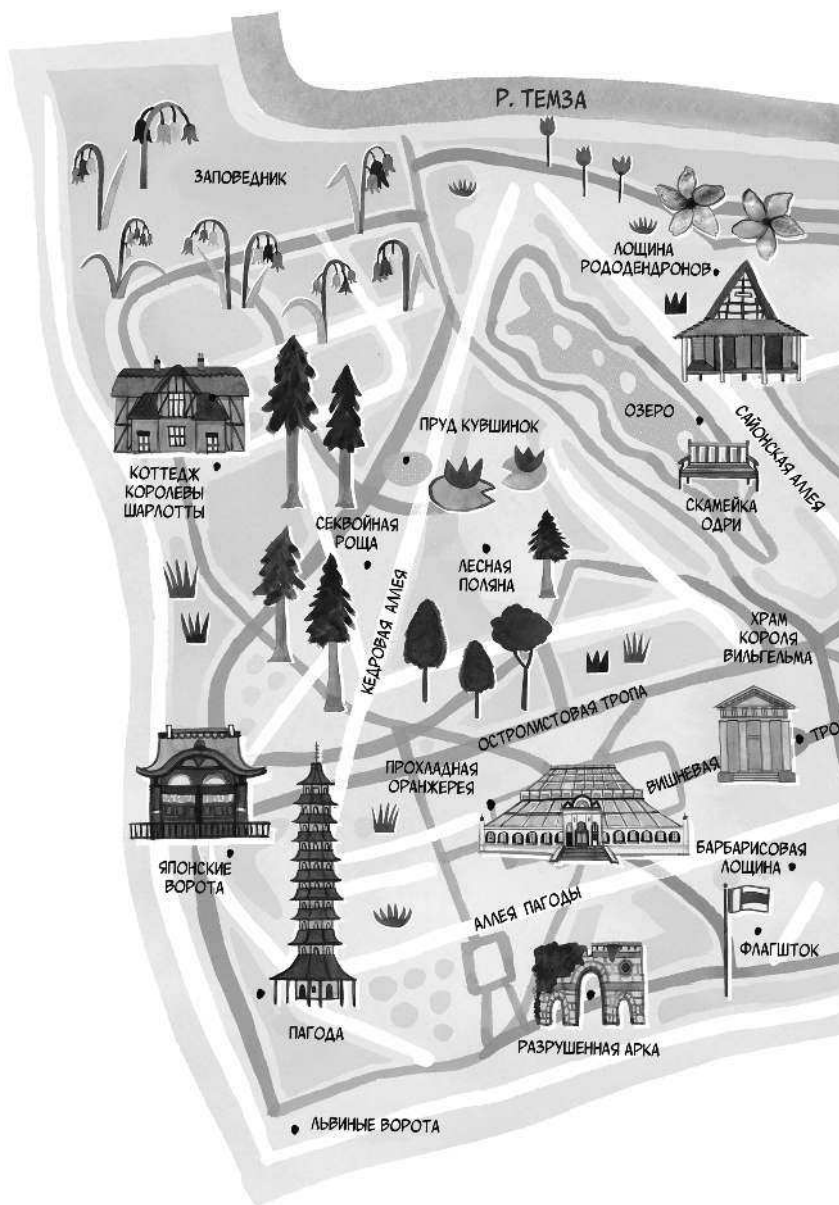
ISBN 978-5-04-090992-6
© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

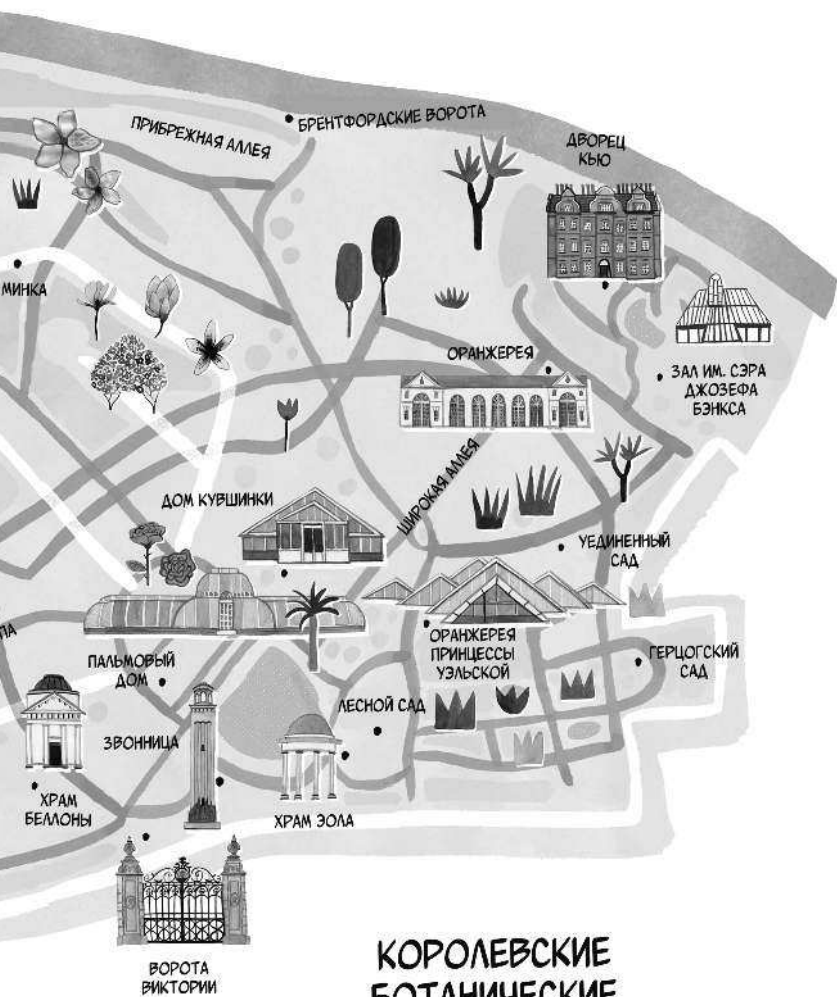
Посвящается Тому

*Памяти
Хироми Кавабаты
1965–2015*

Разве мы постоянно не думаем о былом в саду, где мужчины и женщины лежат под деревьями? Разве это не наше прошлое, не все, что от него осталось, эти мужчины и женщины, эти призраки под деревьями... наше счастье, наша явь?

Вирджиния Вулф, «Сады Кью»

**КОРОЛЕВСКИЕ
БОТАНИЧЕСКИЕ
САДЫ КЬЮ, 2004**

Часть первая

*Противодействие
силе тяжести*

Написанные через трепет и боль
Озадаченным человеком, которого мучит вопрос:
Для чего мы пришли в этот мир?

Дэвид Боуи¹, «О, прекрасные твари»

¹ Дэвид Боуи (1947–2016) — британский рок-певец и автор песен, пользовавшийся мировой известностью, а также продюсер, звукорежиссер, художник и актер; его творчество оказало огромное влияние на целые поколения. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Улыбка Одри

Джона стоит на пороге. Вся квартира пропитана запахом его жены, ее любимых духов, которыми она пользовалась много лет. Он остается в дверном проеме, смотрит на белые стены, покрытый лаком паркет, красное вышитое покрывало. Полки забиты книгами и воспоминаниями о том, как их читали: о долгих часах, проведенных бок о бок и все-таки поодиночке, когда их разделяли разные персонажи и континенты. Его взгляд падает на букет в вазе. Он купил эти цветы три дня назад. Желтые лепестки уже поникли.

Солнечный свет льется в большие окна, превращая пылинки в призрачные мерцающие видения. Комната словно законсервирована. Тюльпаны залиты густым солнечным маринадом. Когда Джона заходит в комнату, он лишается всяких ориентиров, совершенно потерянный в этом месте, где должен чувствовать себя как дома. Все, что есть настоящего, — только память.

Желчь поднимается к горлу. Он бредет сквозь солнечный свет в поисках утешения. Вот книжка в мягкой обложке. Лежит распластанная на диване, открытая на том месте, где Одри прервала чтение. Вязаная кофта на спинке стула, тубик помады на столе рядом с чайником, листок со списком покупок на холодильнике; ее почерк — размашистый, нетерпеливый, ее мысли — стройные, четкие. Вот корзина с грязным бе-

Шор Юдола

льем. Ее джинсы с карманами в чернильных пятнах. Вещи, к которым она прикасалась. Ее пальцы...

Все, что осталось после нее. Такое хрупкое, нежное. Джона чувствует себя скованным, неуклюжим, его руки — огромные, ни к чему не пригодные. На фотографии Одри уходит прочь, обернувшись к камере через плечо. Ее глаза, ее рыжие волосы. Он помнит их разметававшимися по подушке, помнит их просоленными в Тунисском проливе. В тот день у нее обгорел нос.

Это складка во времени. Перекосившийся час. Все так тихо, так неподвижно, что даже неловко дышать. Тишина простирается по всей квартире. Джона стоит, собирает пыль. Ждет, когда Одри войдет с чашкой чая и улыбнется ему. Щербинка между ее передними зубами — запредельная красота.

Головка тюльпана не выдерживает собственной увядающей тяжести. Джона стоит среди осыпавшихся лепестков, среди мертвого света. Но его жена не кипятит воду для чая, не входит в комнату с ломкой, лучистой улыбкой.

Кью-роуд за окном утопает в весеннем цветении и толпах людей. Небо — на своем месте, как и верхушки деревьев над оградой ботанического сада. Здесь, в квартире, холодильник по-прежнему забит молоком, глиняные тарелки по-прежнему рыжие. Мебель не переставляли, фонари за окном не сдвигали, урны на тротуаре никто не трогал, но Джона больше не узнает это место. Как будто мир переделали в одночасье.

Книга поцелуев

Гарри Барклай видит свое отражение в витрине. Растерянное. Изможденное. Лицо знакомое, он его носит всю жизнь. Прищуренные голубые глаза. Но сейчас он похож на человека потерявшегося и не спо-

Тысяча бумажных птиц

собного найти выход. *Возьми себя в руки, Хал.* Он берет руку в карман, где лежит рулон крепкого скотча, шуршащий мусор (обертка от леденца, фольга из сигаретной пачки) и в самом низу — несколько забытых семян. Записная книжка находится в другом кармане.

Она в тонкой картонной обложке. Закладка внутри — черно-белая фотография. Давным-давно Гарри вырвал ее из журнала. Сложенная вчетверо страница стерта на сгибах. Закладка отмечает то место, где записано расписание поездов от Паддингтонского вокзала.

Г.Б. 07.06.04.

Линия Дистрикт. Поезда до станции «Эрлс-Корт»

16.07

16.27

Каждые 10 минут

Он не знает, когда Джона выйдет с работы, и решает спуститься на станцию пораньше. Прошло всего двенадцать дней, но Джона ведет уроки. Наверняка упирал на ответственность: он нужен детям, скоро экзамены. Какая-то женщина натывается на Гарри. Не извинившись, она мчится дальше, пытаясь удержать в руках бумажный стаканчик с кофе, сумочку, телефон и билет. Гарри чувствует на себе чей-то взгляд: мальчик, сидящий в коляске. Что видит ребенок: еще не старого мужчину, чуть за пятьдесят, в добротном костюме, явно знававшем лучшие дни? Гарри надеется, что ржаво-оранжевый шарф придает ему некую богемную артистичность, но малыш смотрит на заштопанный локоть его пиджака.

Гарри убирает записную книжку в нагрудный карман. Кивнув на прощание безмятежному, тихому детству, он погружается в хаос: дребезжащие турникеты,

наплыв толпы в самый час пик. Эскалатор везет его вниз, в мутные вены большого города, в лондонскую кровеносную систему. Гарри стаскивает с головы кепку и беспокойно трет пальцем по краешку твидового козырька.

Рекламные щиты на платформе настойчиво предлагают разнообразные товары и план побега в «рай под названием “Флорида”». Пока пассажиры обмахиваются газетами в ожидании нужного поезда, Гарри высматривает мужчину под сорок, с бежевой сумкой в разводах красных чернил. Сумка, наверное, набита бумагами: школьные табели, ноты с менюэтами Моцарта, рондо. Вот и он, Джона. Его голова возвышается над толпой. Сам он крепкий, внушительный, широкоплечий. Такого нельзя не заметить. Подходит поезд, и Гарри бежит по платформе, пихаясь локтями. Успевает зайти в тот же вагон. Толпа прижимает его лицом к подмышке какого-то мужика.

Джона Уилсон, одетый в старомодный коричневый костюм, стоит, склонив голову, как будто пытается сравняться ростом с окружающими. Сквозь заслон рук и сумок Гарри видит его лишь мельком: борода, мятый манжет рубашки. Джона совсем не такой, каким Гарри его представлял. Он пытается оценить разницу между тем человеком, которого видит, и тем, кого знал по рассказам Одри. Он не думал, что Джона такой большой. Не ожидал такой мощной надежной спины, таких широченных плеч. Не человек, а могучий дуб. Кажется, что такого ничто не свалит.

В вагоне душно. Пахнет потом, прокуренной одеждой, едой, взятой на вынос. И еще чем-то сладким, не очень понятным. Может быть, жвачкой. В давке прижатый к соседям, Гарри замечает знаки дружеской близости, улыбку через чье-то чужое плечо. Он сучает по Одри. По этим крошечным откровенным мгно-

Тысяча бумажных птиц

вениям. Как Одри брала в руки чашку, как убирала волосы за ухо. Как она прикасалась к губам костяшками согнутых пальцев... и растерянно моргала перед тем, как зевнуть, словно потребность тела в кислороде всегда заставляла ее врасплох.

На «Эрлс-Корт» они делают пересадку. Джона садится, и его скорбь проливается на сиденья; заполняет собой весь вагон. Гарри держится в отдалении. Во рту у него пересохло, язык онемел. *В нашу первую встречу с Одри я спас ей жизнь.* Они проезжают Хаммерсмит, толпа начинает редеть. На пустых сиденьях валяются брошенные газеты. Вот наконец и мост Кью. Вагон почти опустел. Ощущение простора. Можно вздохнуть с облегчением. Гарри листает свою записную книжку.

...Устрашающее истребление мировой фауны. Исчезают редкие виды пальм. Наш питомник исчезающих видов розового катарантуса — один из двух, оставшихся в мире. Пять лет назад мы спасли от вымирания венерин башмачок¹. Это наша работа: мы спасаем от смерти.

Хотя какой из меня спасатель?

Эту запись он сделал три дня назад. Гарри ведет дневник много лет, методично расписывая прогресс роста растений, отмечая деревья, начавшие чахнуть. Запись на следующей странице:

Они приходят в сады Кью миллионами — чтобы ощутить время и свое место в нем. Кто-то беседует с Богом, кто-то — с бутоном или опавшим листом. Это сад благодати...

¹ Вид многолетних растений семейства Орхидные; охраняется во всех европейских странах.